

Алексей Толстой

Любовь

«ФТМ»

Толстой А. Н.

Любовь / А. Н. Толстой — «ФТМ»,

ISBN 978-5-457-27424-2

«...Эта калитка, и свистевшие непогодой и унынием голые сучья клена, и в особенности мертвый лист — снова с пронзительной остротой напомнили Егору Ивановичу то, о чем он старался не думать и о чем думал всю дорогу, три дня тащась в плетушке по уезду...»

ISBN 978-5-457-27424-2

© Толстой А. Н.

© ФТМ

Алексей Толстой

ЛЮБОВЬ

Егор Иванович, морщась от мурашек в затекших ногах, вылез из залепленной грязью плетушки, отпустил ямщика и, придерживая отдуваемые октябрьским ветром полы верблюжьего чапана, отворил калитку, – между железными ее прутьями на ржавом завитке прилип красно-желтый мокрый кленовый лист. *Эта* калитка, и свистевшие непогодой и унынием голые сучья клена, и в особенности мертвый лист – снова с пронзительной остротой напомнили Егору Ивановичу то, о чем он старался не думать и о чем думал всю дорогу, три дня тащась в плетушке по уезду.

Подняв брови, Егор Иванович сказал: «Да, да», со вздохом, и пошел к дому, разъезжаясь ногами по глиняной дорожке. Сырой ветер мутил лужи и воду в человеческих следах, гнал косые холодные большие капли, рвал и мотал остатки листьев, свистел тоскливо вдоль мокрой деревянной стены дома, казавшегося пустынным. «Да, да», – иным, злым голосом повторил Егор Иванович, всходя на три ступени деревянного крыльца, поскреб сапоги о железную скобу и сильно несколько раз дернул ручку звонка.

Егор Иванович не испытывал никакого удовольствия – усталым и прозябшим войти к себе в чистый, опрятный, хорошо пахнущий дом, – вошел, заранее морщась. Сбросив чапан на руки востроносой, с необыкновенно тонкой талией горничной Соне – ненавистнице рода человеческого и жениной наперснице, – он спросил, дома ли жена, Анна Ильинишна. «Дома-с, у них гости», – ответил враг рода человеческого. Егор Иванович, глядя на ее поджатый ротик, на острый, как косточка, веснушчатый носик, сказал: «Соня, от вас опять пахнет карболовым мылом», – и пошел в умывальную, дотом к себе в кабинет. Здесь было светло от трех больших чистых окон, пылали дрова в обложенном дубом, резном камине. «Да, да», – уже с некоторым примирением, с остатком вздоха, в третий раз сказал Егор Иванович, сел на кожаный диван и стал трогать влажную русую кудрявую бородку.

Он видел – на письменном столе, перед мраморной чернильницей, на которой, на медных крышечках, поблескивал отблеск камина, – лежит пачка нераспечатанных писем, бумаг и газет. Егор Иванович усмехнулся и покачал головой. Эта пачка деловых бумаг – так, нераспечатанная, – лежит вот уже больше месяца, а бумаги, очевидно, есть срочные, – страшно в них заглянуть. «Взять да и бросить всю пачку в огонь – одним словом, моя личная жизнь поважнее вашей трухи бумажной, – вот и все». Вдруг он заметил отдельно одно письмо, оно стояло ребром у самой чернильницы. Он соскочил с дивана, взял письмо, – штемпель был из Петрограда, конверт написан незнакомым крупным почерком. Егор Иванович подошел к окну, на минуту закрыл глаза и разорвал конверт.

«Егор, милый, мне немыслимо тебе писать, труднее, чем я думала... Я все время лгу... Господи, прости меня... Ты пойми, ненаглядный мой: я не чистая, вся душа моя не ясная. Глядеть в глаза мужу и думать о тебе! – я больше не могу лгать. Пожалей меня, пойми, мне – больно... Я пишу сейчас из парикмахерской, – муж бреется, он ни на минуту не оставляет меня одну...» Письмо было подписано – «Маша». Три раза перечел Егор Иванович нацарапанные карандашом, загибающиеся книзу строчки. Боль, жалость, ревность овладели им. Из-за строк он видел ее лицо, каким оно было за стеклом вагона в минуту расставания: прикрытое сеточкой вуали, нежное, грустное, с серыми взволнованными глазами. Она улыбалась растерянно... Когда окно двинулось – она зажмурилась...

* * *

Этим летом Егор Иванович встретил у своей приятельницы, Зинаиды Федоровны (дочери старшего врача земской больницы), девушки суровой, молчаливой и очень хорошенькой, ее замужнюю сестру, Марью Федоровну, Машу. Маша приехала к отцу и сестре из Петрограда – отдохнуть, – «пожить чистенько», как она говорила. От петроградской суеты, мужниных знакомых и их жен, банкетов, ресторанного времяпрепровождения и в особенности от мужа, Михаила Петровича, профессора международного права, – у нее к весне начались дурные настроения: точно душа, как стекло, разбивалась на кусочки; кровь – мутная, сердце – как высохший мандарин. Зато здесь, у отца, Маша вставала рано, шла гулять в городской сад, еще мокрый от росы, глядела на детей, на птиц, на облака и чувствовала себя маленькой, кроткой, грустной и счастливой. В дождливую погоду она накидывала пуховый платок, садилась на диван с книжкой, подбирала ноги под юбку и слушала, как сестра, Зюм, в круглых очках, стучит молотком по мраморной глыбе, – Зюм была очень талантлива. Ложилась Маша после вечернего чая, глядела на лампадку, плакала часто перед тем, как заснуть, но не от горя, а так – сама не знала от чего.

В этот свой приезд она нашла у сестры нового знакомого, Егора Ивановича, губернского инженера. Он был большой, с близоруким, застенчивым лицом, удивительно весь уютный, косолапый и какой-то – свой. Являлся он в разное время и ненадолго, потому что боялся жены. Маша выходила к нему, какая бывала – в платке или в туфлях на босу ногу. Они сидели в мастерской на диване и, чтобы не мешать Зюм, разговаривали вполголоса о всевозможных вещах, ни ему, ни ей не нужных. О себе же они не говорили, точно по уговору.

Через несколько дней Маша заметила, что Егор Иванович при встрече с ней начинает моргать глазами и ни на что непохоже улыбаться. Она сразу догадалась, что это значит, и неожиданно обрадовалась; когда же поняла, что – рада, то струсила. Но Егор Иванович был так простодушен и весь на ладошке, что она тут же решила – бояться нечего.

Однажды Егор Иванович пришел взъерошенный, с оторванной пуговицей на пиджаке, сел в угол дивана, на котором сидела Маша, и надулся как мышь на крупу, замолчал. Зюм ушла из комнаты. Маша положила ладонь Егору Ивановичу на руку и спросила тихо:

– Что случилось?

– Жена, – ответил он с давнишней досадой.

– Поссорились?

– Конечно, поссорились, что же там может другое случиться. Господи, Боже мой, как это все мерзко...

Маша опустила глаза, – что она могла ему ответить? Егор Иванович молча глядел на нее, и она чувствовала, что он глядит с отчаянием. Вдруг он повернулся, взял ее руки – сжал. Маша не подняла глаз. Его руки ослабели, он поднялся с дивана и остановился у окна, спиной к Маше. Она поглядывала на него и думала: «Чужой человек, а до чего близкий. Поссорился с женой, оторвал на себе пуговицу, пришел жаловаться. Люблю, честное слово... Господи, как глупо».

– Не буду я приходить сюда больше, – проговорил он, не двигаясь. (Маша, неожиданно для себя, широко улыбнулась.) Сам, никто другой – сам во всем виноват: устроил себе омерзительную жизнь. Залез по шею, сижу, как в гуще, в этой грязи... Только одно – благополучие. Будь оно проклято!

Маша соскочила с дивана и подошла к Егору Ивановичу, он с крепко зажмуренными глазами замотал головой. Маша сказала кротко:

– Егор Иванович...

– Да, я слушаю...

– Так что же нам с вами делать? Ничего, видно, не поделаешь...

Он стремительно обернулся к ней, – серьезное, страшно важное лицо его начало бледнеть. Маша стояла перед ним, подняв голову, нежная, милая, простенько причесанная, светловолосая. Губы ее доверчиво, чуть-чуть грустно улыбались.

– Ходить-то все-таки будете ко мне, а? – сказала она; подбородок ее дрогнул, в глазах появились искорки смеха.

Так у них началось. Теперь они начали целыми часами говорить только о себе, о самом задушевном, горьком, затаенном. Маша изменилась за эти несколько дней – осунулась и помолодела, серые глаза стали больше, наполнились светом, она особенно, как-то забавно, стала морщить носик. Ей было легко дышать и легко ходить, словно земля стала пухом.

Однажды, поздно вечером, после долгого разговора в прихожей, Егор Иванович нагнулся к ней и нежно поцеловал в губы – и ушел. Маша долго стояла у стены, закрыв глаза, ни о чем не думала, – только горели щеки.

Два раза в неделю Маша писала мужу в Петроград. Неожиданно в ответ должно быть, на одно из ее писем от него пришла телеграмма: «Безумно встревожен, схожу с ума, выезжай немедленно».

С телеграммой в сумочке Маша побежала на другой конец города, к Егору Ивановичу. Еще издаലെка она увидела в угловом большом окне их дома, похожего на мокрый ящик, испуганную тень Егора. Затем он, в одном пиджаке, перебежал лужайку, отворил калитку:

– Что случилось?

Она подала ему телеграмму. Он прочел, сейчас же сел на скамейку у калитки, сжал глаза рукой.

– Я, должно быть, что-то написала ему, – сказала Маша, сняла с калитки прилипший к железу мокрый мертвый кленовый лист, прижала его к губам, потом все время держала в руке, – кажется, написала, что здесь мне жить легко и счастливо... Да, так и написала... Зачем бы я стала лгать...

– Да, да, – сказал Егор Иванович, – да, да...

– Егор Иванович, я должна ехать...

Маша глядела на дорогу. Милый рот ее был сжат серьезно. Глаза – строгие и серые, как облака, несущиеся над уездным городом. Егор Иванович понял, что лгать Маша не захочет, как вот он вторую неделю лжет жене, и удерживать ее нельзя. Он спросил негромко:

– Маша, вы вернетесь?

– Не знаю, Егор... Как все это грустно...

На следующий день она уехала. Егора Ивановича вытребовали в уезд. За три дня пути по уездным грязям и оврагам он так ничего не решил и ни в чем не разобрался. Сегодняшнее письмо потрясло его – с такой угрожающей и беспощадной силой рвануло за сердце, что он заметался: нужно было решать. И он в первый раз строго и ясно спросил себя: «Люблю ее? Да, я люблю...»

* * *

У Анны Ильинишны в очаровательном салончике сидели гости – молодые люди Зени-тов и Мухин – и пили кофе с бенедиктином. Анна Ильинишна вернулась поздно утром из загородного ресторана, где слушали цыган. Бессонные ночи и цыганские песни Анны Ильинишна переживала стихийно. Она была одета в бархатное малахитовое платье, с кровавой розой в крепко завитых волосах цвета вороньего крыла. В ресторане в ее честь приезжий знаменитый танцор Родригос, с невероятными бедрами, проплясал сумасшедшую тарантеллу на столе, раздавил в пыль все рюмки и бокалы и выпил полный стакан какой-то адской смеси из тринадцати ликеров. Анна Ильинишна смеялась волнующим грудным смехом. У Родри-

госа глаза налились кровью. Ее поздравляли с успехом. И когда веселая ночь кончилась, было жутко и нестерпимо подумать, что завтра – снова будни... Зенитов и Мухин провожали Анну Ильинишну на лихаче и остались пить «утреннее кофе», – то есть понемногу и безболезненно сводили «на нет» цыганское настроение. Костлявый Зенитов, жуя сигару, рассматривал знаменитый «альбом Фрины» с фотографическими карточками Анны Ильинишны, где она была снята в смелых античных позах, обнаженная, – альбом, о котором много говорили в городе. Показывался он, разумеется, только друзьям, вот в такие минуты. Маленький Мухин, с выкаченными склерозными глазами, во фраке, засыпанном пеплом, играл на пианино и, морща глаз от дыма папироски, напевал о забытых лобзаннях.

Анна Ильинишна продолжала еще смеяться, но уже через силу. От *табаку* и бессонной ночи лицо ее поблекло, зубы пожелтели. Она лежала на кушетке, закинув голые локти, все в том же малахитовом платье, таком ярком сейчас, что хотелось его пожевать. На шелковую подушку облетела лепестки кровавой розы. Туфелька покачивалась на пальце ее ноги, туго обтянутой прозрачным чулком. Полузакрыв глаза, Анна Ильинишна думала о зверской физиономии Родригоса.

– Но, черт возьми вашего мужа! – сказал Зенитов. Анна Ильинишна загадочно усмехнулась, потом сдвинула брови, лицо ее стало злым. В это время Соня доложила о приезде барина. Гости поднялись и прощались с преувеличенно смущенными лицами. Хозяйка их не удерживала.

Оставшись одна, Анна Ильинишна подошла к высокому зеркалу в простенке, привела в порядок волосы и попудрилась. Глядя на свои руки, открытые до подмышек, она подумала, что совершенна физически, – надменно усмехнулась и вышла в столовую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.